

ЛѢТО и ОСЕНЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

VIII.

За утреннимъ чаемъ жена спросила Орскаго, зная что онъ уходитъ, будетъ ли онъ сегодня на мельницѣ, и въ ея словахъ послышались ему подозрѣніе и угроза. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Ольгу Павловну, чтобы ошибиться на этотъ счетъ.

Онъ зналъ, какъ она подозрительна и ревнива. Она догадывается!..

Цѣлый рядъ супружескихъ сценъ и бурныхъ объясненій предсталъ предъ его умственнымъ взоромъ. «Этого только не доставало»,—подумалъ онъ. Все это бывало уже и обыкновенно ничѣмъ не кончалось, но какіе тяжелые періоды приходилось переживать ему, Орскому. Жизнь превращалась въ адъ, всякій покой нравственный и физическій нарушался надолго...

Онъ досадливо морщился при одномъ воспоминаніи объ этомъ и трусилъ. Онъ опасался ее—эта миловидная женщина, такая любящая и нѣжная, была способна надѣлать ему большія непріятности. Отстаивая свои эгоистическія права на него, она не останавливалась на половинѣ дороги и всякое благоразуміе, всякая сдержанность покидали ее въ такія минуты.

Какъ супругъ бывалый, онъ былъ дипломатомъ. Непринужденно и небрежно онъ ей отвѣтилъ, принявъ самый беззаботный видъ, но она окинула его насмѣшливымъ взглядомъ, попрекнула охотой и вышла изъ комнаты.

Онъ взялъ съ собой «Рэкса» и пошелъ на охоту.

Остаться дома, заискивать передъ женою, значило выдать себя окончательно, сознаться въ своей винѣ.

охотѣ ни въ комъ изъ крестьянъ не могла пересилить соблазна „гулять на праздникъ“. Въ дни праздниковъ никто въ лѣсъ не ходилъ и на озеро зарыбой не выѣзжалъ.

Одинъ Орскій охотился изо-дня въ день, непрерывно, съ ранняго утра до вечера. Два смычка костромскихъ гончихъ — три выжлеца и выжловка отъ собакъ Н. П. Кишенскаго—дивно служили ему.

Это были нестомчивые, богатырскаго сложенія, сильные и выносливые, неустомимые гонцы. Полазистые, вязкіе, въ достаточной мѣрѣ паратые, внѣ гона они были очень позывисты и трубою ихъ можно было вести куда угодно. Но вернуть ихъ съ гона не представлялось никакой возможности и каждого поднятаго зайца они гоняли до тѣхъ поръ, пока звѣрь не былъ убитъ или пока не наступала глубокая ночь. Слѣдъ теряли рѣдко, но потерявъ упорно искали тамъ, гдѣ скололись, и снова слѣдъ находили, и гнали, и такъ безъ конца.

Искали собаки всегда вразсыпную, но стоило одной изъ нихъ подать голосъ, какъ остальные «валились къ ней» и дружный гонъ закипалъ.

Получалась гармонія, такъ ласкающая ухо истиннаго охотника, переносящая его въ міръ чистаго наслажденія, отрѣшающая хоть на время всю прозу жизни съ ея заботами, горечью и безпокойствами. Не до нихъ было! Басъ выжлеца „Шугая“ рельефно выдѣлялся на фонѣ остальныхъ голосовъ стаи; вотъ высокія ноты выжловки „Доборы“; чу, какъ дружно ведутъ, съ заливомъ, выжлецы «Разбой» и «Громило». Кипятъ, переплетаются, сливаются звуки. Растутъ и крѣпнуть и разливаются широкой волною по острову—ближе, ближе—надрываются, стонутъ, рыдаютъ собаки... Весь—ожиданіе, весь—слухъ и зрѣніе, стоитъ Орскій на лазу, готовясь къ выстрѣлу. Никакихъ мыслей нѣтъ въ немъ и забылъ онъ себя. Гонять по красному. Сейчасъ, вотъ... нѣтъ! Отвернули въ сторону, удаляется гонъ, слабѣютъ и замираютъ голоса. Еще кругъ въ томъ же

островъ задаетъ лукавая кумушка. Хочется ей отдѣлаться отъ собакъ, петляетъ и путаетъ она слѣдъ, но по пятамъ за нею рвутся собаки, гремятъ голоса ихъ и, дробясь на отголоски, разносятся по лѣсу. Повернула лисица на обычный лазъ свой—узкую перемычку между двумя островами, и только что сунулась на чистину, какъ незримое что-то рѣзко стегнуло и ударило ее въ бокъ; помутился у нея свѣтъ въ глазахъ и, перекувырнувшись черезъ голову, бездыханная лежитъ она, красиво выдѣляясь на землѣ, усѣянной мокрыми разлагающимися листьями, посреди оголенныхъ вѣтвей кустарника. Дошли собаки. Усиленно работая боками, лежатъ и сидятъ онѣ возлѣ убитого звѣря. Лакаетъ воду лужи «Шугай», облизываетъ капли крови на шкуркѣ звѣря «Добора». И Орскій, довольный и счастливый, радостно разсматриваетъ добычу.

Прервался гонъ, прошли дивныя минуты ожиданія звѣря, но очарованіе только что пережитыхъ ощущеній долго не покидаетъ охотника...

Просто была обставлена у Орскаго охота съ гончими. На разсвѣтѣ, когда мгlistый осенній день вступалъ уже въ свои права, Орскій выходилъ въ поле и сразу пускалъ собакъ. Медленно онъ шелъ полями, направляясь въ пустошь, гдѣ много было небольшихъ покосовъ, полосокъ озимей, молодыхъ чащъ и незначительныхъ болотъ съ плотными окрайками. Это были излюбленные мѣста его охоты съ гончими. Огромная, раскинутая на нѣсколько верстъ пустошь была изучена имъ въ совершенствѣ. Онъ зналъ здѣсь каждую тропу; всѣ лучшіе лазы звѣря были извѣстны ему наперечетъ.

Собаки искали вокругъ, часто пересѣкая его слѣдъ, а онъ изрѣдка посылалъ имъ трубою позывъ, указывая направленіе, котораго держался, и поощряя ихъ поиски. Если же ему приходилось самому будить зайца, то на голосъ его моментально натекали собаки.

Не всегда вся стайка гончихъ была въ работѣ. Чаше Константинъ Львовичъ охотился съ однимъ

смычкомъ, соблюдая очередь и давая отдыхъ собакамъ.

Въ большинствѣ приходилось гонять бѣляка — въ пустоши ихъ было много; рѣже, въ поляхъ, гончія подымали русака и только въ видѣ особой рѣдкой удачи представлялась возможность стрѣлять по лисицѣ.

Въ этомъ году погода какъ нельзя болѣе способствовала охотѣ съ гончими. Дни стояли тихіе, безвѣтренные; сырая земля даже по утрамъ не скрѣплялась морозомъ. Часто дождило, но на мелкій осенній дождь Константицъ Львовичъ не обращалъ вниманія — подобная мелочь не могла служить помѣхою для охоты. Заяцъ бывъ бѣлый, какъ снѣжина, но стрѣлять его въ чащахъ, гдѣ онъ мелькалъ между стволами и развѣсистыми, достигающими земли, вѣтвями елей, было не такъ-то легко. Но и на покосахъ, на мѣстахъ совершенно открытыхъ, немало полегло косыхъ, потому что они любили во время гона перебѣгать лужайками въ другой островъ.

Иногда приходилось дѣлать выстрѣлы и даже красивые дуплеты по случайно вытоптанымъ или спугнутымъ гончими тетеревамъ. Чащи молодыхъ березъ и осинъ, лишенная листьевъ, были почти прозрачны — взлетѣвшихъ птицъ легко было поймать, на мушку и тетерева падали, если вѣтви не перехватывали дробинъ.

Запоздавшій отлетомъ разжирѣвшій вальдшнепъ, поднимающійся между деревьями свѣчею вверхъ, тоже не избѣгалъ этой участи.

Садочная безкурковка съ полными чоками въ обоихъ стволахъ, съ которой осенью не разставался Орскій, била кучно, сердито и рѣзко. Какъ далеко настигала она рѣзвыхъ, несущихся во всѣ ноги, русаковъ; какую, на одинъ моментъ нелѣпую позу принималъ заяцъ, убитый наповаль на полномъ ходу, и какъ бороздилъ онъ землю, катясь колесомъ, уже мертвый, въ силу инерціи..

Сколько различныхъ картинъ, случайностей и

разныхъ совпаденій встрѣчалось на этихъ охотахъ!..

Орскій любилъ осень, хотя не особенно радостное настроеніе навѣвала она на него.

Онъ любилъ ее какъ лучшее время для охотъ съ гончими и вообще для охотъ, когда каждый звѣрь и всякая птица крѣпли и матерѣли, собираясь встрѣчать зиму; когда всякая дичь была въ полной порѣ, когда становилась она сторожкой и требовала дальній бой ружья и сильный зарядъ въ немъ.

Но видъ осенней, умирающей природы неизмѣнно, даже въ лучшую пору его жизни, навѣвалъ на Орскаго тихую грусть и никогда это чувство не было въ немъ такъ сильно, не захватывало его такъ глубоко, какъ теперь. Можетъ быть, въ чувствѣ этомъ была нѣкоторая доза отрады — минутами ему нравилось такое настроеніе, но въ общемъ, оно угнетало его и въ особенности въ эти дни, когда въ сердцѣ его поселились безпокойство и забота.

Удивительно какихъ, только противорѣчій не совмѣщаетъ въ себѣ человѣкъ!

Охотникъ, самъ вносящій смерть и разрушеніе въ природу, проливающій кровь, обрывающій нить жизни у массы существъ, Орскій грустилъ и тосковалъ, наблюдая общую картину медленнаго умиранія природы. Тусклый фонъ неба, сѣрые горизонты, оголенные вѣтви деревьевъ, поникшія травы, желтые листья подъ ногою повергали его въ уныніе, будто горе и болѣзнь близкаго существа.

И въ такіе дни его особенно тянуло на охоту. Какъ-то инстинктивно, еще и еще хотѣлось ему насладиться благами жизни, быть можетъ призрачными, ничтожными... но не все ли равно?! Скоро зима. Сугробами снѣга завалить она лѣсъ и поле и не позволить охотиться съ гончими... до слѣдующей осени такъ далеко и кто знаетъ, что готовятъ ему грядущіе дни?..

Болѣе чѣмъ когда-либо, въ своемъ печальномъ настроеніи, онъ любилъ быть одинъ.

Неслышными шагами ходилъ онъ по увядающимъ безмолвнымъ полямъ и лѣсамъ, или сидѣлъ гдѣ-нибудь, давая время гончимъ обыскать островъ. Блуждали въ немъ думы, роились мысли... Нѣтъ, онъ не хотѣлъ бы имѣть товарищей на этихъ охотахъ. Молчала угрюмая, погружающаяся въ зимній сонъ природа; молчалъ онъ, проникнутый однимъ съ нею настроеніемъ...

На всѣхъ охотахъ въ окрестностяхъ Богдарова Орскій неизмѣнно бывалъ одинъ, даже охотясь съ гончими. Убитыхъ зайцевъ онъ пряталъ въ мѣстахъ примѣтныхъ и затѣмъ посылалъ за ними работника. Брать съ собой человека онъ не любилъ. Всякій посторонній только нарушалъ гармонію его настроенія, мѣшалъ его общенію съ природой.

Вообще, со дня отъѣзда Ольги Павловны Орскій жилъ уже окончательно особнякомъ отъ всего міра, замкнутый въ своемъ Богдаровѣ, какъ улитка въ раковинѣ; нигдѣ не показывался онъ, избѣгая общества людей.—Какъ онъ можетъ жить такъ?!—толковали въ уѣздѣ. Но онъ могъ—охота заполняла его дни и интересовала его. Она неизмѣнно вносила въ его существованіе ту дозу отрады, которая украшаетъ жизнь. Но онъ не могъ не замѣтить, что за послѣднее время что-то странное творится въ немъ. Онъ потерялъ аппетитъ; его сонъ, всегда такой крѣпкій и здоровый, сонъ утомленнаго охотника, бѣжалъ отъ него и становился тревожнымъ и безпокойнымъ. Спалъ онъ мало и, просыпаясь, чувствовалъ себя утомленнымъ и вялымъ. Казалось, внутри его что-то мучительно ныло и болѣло, но что именно, понять онъ не могъ.

Нерѣдко среди ночи Орскій вставалъ и зажигалъ огонь; качаясь въ креслѣ-качалкѣ, онъ курилъ и думалъ.

Отъ Ольги Павловны не было никакихъ вѣстей—«она выдерживала характеръ». Зоя писала раза два, звала его въ Петербургъ, сообщала, что веселится, что за нею много ухаживаютъ и въ особенности «одинъ докторъ и одинъ инженеръ». Самые серьез-

ные долги по векселямъ были отсрочены на три мѣсяца; въ банкъ подано заявленіе, что всѣ недоимки и срочные платежи будутъ внесены къ новому году.

Такъ обстояли дѣла. А пока можно было наслаждаться охотой во всѣхъ видахъ ея, до медвѣдей включительно. И на все это денегъ должно хватить. А тамъ видно будетъ, что дѣлать. Быть можетъ найдутся еще какіе-нибудь исходы. Такъ бодрился Орскій. Вѣсти о томъ, что за Зоей «много ухаживаютъ», не особенно тревожили его. Пусть веселится—каждому свое. Со дня отъѣзда образъ ея какъ-то расплывался въ его памяти: вспоминалось въ общихъ чертахъ о явленіи свѣтломъ и яркомъ, но детали стусевались...

Конечно, если они встрѣтятся, его опять потянетъ къ ней, въ особенности въ Петербургъ, гдѣ жизнь такъ бьетъ по нервамъ и такъ волнуетъ и возбуждаетъ ихъ. Но здѣсь, подъ этимъ тусклымъ небомъ, среди увядающей природы, не нужна ему Зоя и даже она не можетъ вдохнуть въ него жизнерадостности.

Усталъ онъ отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ, волненій, страстей. И теперь всю оставшуюся въ немъ энергію и силы тратилъ онъ на охоты, которыми очень дорожилъ и за которыя крѣпко держался — однѣ онѣ волновали и возбуждали его, дарили ему наслажденіе, разнообразнѣйшее и необъятное, съ различными оттѣнками, всегда интересными, захватывающими его. Заняться чѣмъ-нибудь другимъ не было ни силъ, ни желанія. Написать дѣловое письмо было ему въ тягость; думать о своихъ обстоятельствахъ—противно. Выкуривъ массу папиросъ, онъ снова ложился, но спать не могъ и читалъ до разсвѣта, а тамъ снова охота и день полный интереса и жизни кипучей. — Вчера съ «Разбоемъ» и «Шугаемъ» взяты русакъ и пять бѣляковъ — что-то будетъ сегодня?! Обязательно надо завести собакъ въ болото, возлѣ озера Гагатрино, — тамъ должна быть лисица...

Въ просторѣ полей и таинственную сѣнь лѣса рвалась душа его. Туда влекла его «невѣдомая сила», именуемая охотой. Такъ проходили дни и Константинъ Львовичъ досадовалъ лишь на то, что они очень коротки.

Однажды, проѣзжая мимо Богдарова, членъ земской управы прислалъ ямщика спросить, дома ли баринъ? и Орскій велѣлъ сказать, что его нѣтъ. А когда въ Богдарово заѣхалъ становой за какими-то справками, Орскій предоставилъ своему старостѣ объясняться съ нимъ, а самъ сказался больнымъ. Онъ жилъ какъ бы въ особомъ мірѣ и ревниво охранялъ этотъ міръ отъ вторженія постороннихъ людей.

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ — измѣнилась погода и на время пришлось прекратить охоты съ гончими. Наступили морозы съ холоднымъ, сѣвернымъ вѣтромъ. Замерзали рѣки и озера, затянулись льдомъ лужи, «простывали болота»; скованная морозомъ земля стала тверда, какъ камень, и собаки не могли гонять.

Въ ожиданіи оттепели или снѣга, Орскій началъ «сидѣть съ чучелами», хотя погода не способствовала и этой охотѣ. Въ морозъ и вѣтеръ, успѣвшіе собраться въ стаи, тетерева были очень строги, давали большіе перелеты, держались больше въ островахъ и, по выраженію загонщиковъ, «съ ними трудно было что-нибудь подѣлать».

Барометръ стоялъ высоко, безоблачные, морозные дни чередовались одинъ за другимъ и ничто не указывало, что погода скоро измѣнится въ какую-нибудь сторону. Тогда Орскій рѣшилъ ѣхать къ Павлу Тимофееву, въ Ключково, и тамъ произвести рядъ облавъ, что практиковалось имъ почти каждую осень, благо окрестности Ключкова вполне подходили для такихъ охотъ, и зайцевъ водилось въ нихъ въ изобиліи. Павелъ съ сыновьями даже берегъ косыхъ для Орскаго, отмѣняя свои охоты — высматриваніе бѣлаго зайца на лежкѣ, и конечно не бывалъ отъ этого въ убыткѣ.